

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

На правах рукописи

Родионова Анна Андреевна

**ТЕХНИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ
НЕПОДЦЕНЗУРНОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

Резюме

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Доктор филологических наук, доцент
Павловец Михаил Георгиевич

Москва 2024

Общая характеристика работы. Тема нашего исследования соединяет две большие и, на первый взгляд, не слишком близкие области: технику и поэзию. Не обращаясь к общему месту подобных работ — упоминанию о связи поэзии и технэ, над которой размышляли еще древнегреческие философы и которая остается актуальной до сих пор, отметим, что исследование различных типов контакта техники и литературы имеет большое филологическое значение.

Во-первых, техника — важнейшая часть культуры, особенно новейшей культуры — XX-го и XXI-го веков, а литература не существует в отрыве от культурных процессов: будучи их частью, она неотделима от их изменений. Во-вторых, анализ сюжетов и мотивов, в которые включалась техника в те или иные периоды XX-го века в различных литературных стратах, открывает новую перспективу на эстетическое развитие литературы.

Не секрет, что русскоязычная словесность в течение XX-го века пережила множество трансформаций. Одно из самых заметных и широко обсуждаемых в современных гуманитарных науках изменений связано с формированием особого субполя неподцензурной литературы. Если литература подцензурная или официальная была вписана в эстетические ограничения советской эпохи и допускалась к публикации, то неподцензурная (неофициальная, литература андеграунда, сам- и тамиздата) по-своему существовала, не проходя нормирующие издательские инстанции.

Рецепция техники в официальной советской культуре и, соответственно, литературе играла значительную роль для построения ее эстетической системы, отчасти связанной с идеологией научно-технического прогресса (НТП). Однако то, как работала неподцензурная литература с научно-технической проблематикой (в частности — в соположении с подцензурной литературой), изучено мало, хотя может дать дополнительные данные о том, как именно происходило взаимодействие вышеупомянутых литературных страт прошлого века.

Исходя из отмеченного, **актуальность** нашего исследования может быть сформулирована следующим образом:

1) Поэтика неподцензурной русскоязычной литературы формировалась в сложном взаимодействии с официальной советской литературой, для которой техника являлась идеологически значимой областью культуры, однако связь этих двух типов рецепции в литературе (официальной и неофициальной) недостаточно исследована, при том что необходимость их сопоставить отметил еще Виктор Кривулин в работе 1979 года «Двадцать лет новейшей русской поэзии» [Каломиров (Кривулин) 1979]. Официальная литература давала ограниченный и в чем-то искаженный набор возможных интерпретаций техники и ее роли в жизни человека и общества. Притом вышеуказанная проблематика подразумевала совершенно разные ракурсы — об этом говорит хотя бы множество концепций ее осмысления, сформированных в мировой литературе и философии XX-го века. Именно поэтому, говоря о русскоязычной традиции, важно учитывать альтернативные, не ограниченные советской нормой, взгляды на проблему техники и прогресса, которые можно найти в неподцензурных текстах, поскольку именно в них артикулировались смыслы, остававшиеся в зоне умолчания в официальной культуре или репрессированные государственной идеологией.

2) Результаты этого исследования помогут обнаружить специфику контакта подцензурной и неподцензурной русскоязычной поэзии прошлого века; что является актуальной областью для современного литературоведения, поскольку без понимания принципов устройства этой связи нельзя рассчитывать на получение объективной и полной картины русской литературы XX века в ее взаимодействии с предшествующими историческими периодами и мировым литературным контекстом.

Под *неподцензурной поэзией* здесь понимается корпус текстов, авторы которых выходили за пределы системы советской эстетики и тем самым — за пределы допустимого в советской печати. В развитии этого понятия мы

следуем за Ильей Кукулиным [Кукулин 2019], который дал ему определение в программной статье «Два рождения неподцензурной поэзии в СССР». Кроме того, в нашей работе мы учитываем исследования Станислава Савицкого, который посвятил значительную часть своей книги «Андеграунд: история и мифы ленинградской неофициальной литературы» изучению и дифференции различных понятий, относящихся к объединениям авторов, не желающих ориентироваться на советские тематические ограничения и/или эстетические требования [Савицкий 2002].

Таким образом, понятие «неподцензурная поэзия» в рамках нашего исследования подразумевает совокупность произведений, написанных не для публикации в советской печати и потому не столь зависимых от социально-идеологической адаптации языка и смысла [Кукулин 2019]. У этого термина есть как литературно-социологические, так и чисто эстетические аспекты. Тем не менее, сводить все разнообразие объединений, практик и методов к однообразной модели «неподцензурного» не представляется нам объективным: литература, не проходившая цензуру советской печати, неомогенна — так же, как и подцензурная. Соответственно, в разговоре о неподцензурной литературе мы *сознательно* стараемся сохранить эту апофатичность определения, с одной стороны, чтобы не ограничивать терминологически ее формы бытования, которые были разнообразны (например, понятие «самиздат» было бы в этом случае слишком узким, так как не вся неподцензурная литература была самиздатской).

С другой стороны, необходимость в таком определении возникает, поскольку оно позволяет показать значимость связи (пусть и зачастую негативной) с советской подцензурной литературой. Здесь важно подчеркнуть, что, хотя мы и говорим о неподцензурной литературе как о некой общности, мы не имеем в виду, что у нее есть четкие границы: эта общность скорее *ситуативная*, а одна из метазадач нашего исследования — проанализировать ее сложные отношения с контекстами и смыслами,

характерными для официальной советской культуры, и тем самым хотя бы немного приблизиться к более полному пониманию зон их диалога.

Техническое воображение, еще один термин, вынесенный в заголовок нашего исследования, понимается нами как исторический и культурно-конкретный способ формулировать мысли о технике в литературе, позволяющий проявлять при этом конкретные отношения со средой (как перцептивной, так и культурно-исторической), выражая их в тексте. «Сложность структуры находится в прямо пропорциональной зависимости от сложности передаваемой информации. Усложнение характера информации неизбежно приводит и к усложнению используемой для ее передачи семиотической системы» [Лотман 2018: 18], поэтому технико-информационные трансформации в обществе неизбежно влияют на способы организации текста.

Перцептивный аспект технического воображения связан с нашим чувственным опытом, который оформляют новые технологии [Маклюэн 2003], [Киттлер 2009] и который сам в свою очередь влияет на работу с текстом. Культурный же аспект воплощается в том, как литературное произведение взаимодействует с конкретной исторической реальностью, находящейся, как правило, в сложных отношениях с ним, но неизбежно проявляющейся в его мотивно-образной структуре [Гаспаров 1993], [Силантьев 2004]. Техническое воображение задействует как лексико-семантический уровень текста, так и фонологический, и ритмический [Лотман 2018: 124-251], что более подробно будет показано в практической части нашего исследования. Кроме образов технических устройств, мотивов, с ними связанных, и в целом проблематики прогресса, техническое воображение может проявлять себя еще и через более нюансированную работу с языком: так, неологизмы, в которых актуализируется фонологический уровень, способны скрыто отсылать к концепциям прогресса в историческом авангарде, которые могут критиковаться, субверсироваться или

переприсваиваться поэтами второй половины XX-го века (см. вторую главу работы).

Степень разработанности темы исследования. Среди филологических работ по русской литературе есть достаточно большое количество исследований, близких в том или ином аспекте теме этой диссертации, что свидетельствует об интересе к этому проблемному полю в современной филологии, однако объемных исследований, посвященных *проблеме технического воображения в неподцензурной поэзии* обозначенного нами периода, на данный момент нет.

Работая над нашей диссертацией, мы опирались на уже существующие исследования нескольких направлений. Во-первых, это работы уже упомянутых Станислава Савицкого и Ильи Кукулина о неподцензурной (неофициальной) литературе как о субполе или отдельной литературной страте. Кроме того, нам были важны книги и статьи, посвященные различным группам, персоналиям и проблемам, которые связаны с неподцензурной литературой. Это, в первую очередь, работы Юлии Валиевой, Дмитрия Голыинко-Вольфсона, Данилы Давыдова, Александра Житенева, Алексея Конакова, Ильи Кукуя, Ильи Кукулина, Дениса Ларионова, Марка Липовецкого, Алексея Масалова, Энсли Морз, Юрия Орлицкого, Михаила Павловца, Стефани Сандлер, Ольги Северской, Александра Скидана, Клавдии Смолы, Дарьи Суховой, Павла Успенского и других.

Для нашего исследования также было важно знакомство с двумя зарубежными программными сборниками, посвященными близким нам темам: первый — о неофициальной культуре СССР, «Оксфордский справочник по советской андеграундной культуре» (“The Oxford Handbook of Soviet Underground Culture”) под редакцией Марка Липовецкого, и второй — об альтернативном взгляде на поэтический канон в русскоязычной поэзии XX-го века — «Русская поэзия XX-го века: Переизобретение канона» (“Twentieth-Century Russian Poetry: Reinventing the Canon”) под редакцией Катарин Ходжсон.

Кроме того, значимый контекст для нашего исследования содержится в лингвистических работах Натальи Фатеевой (особенно важным для нашей диссертации является ее подход к метаязыковой поэтике), лингвопоэтических и лингвопрагматических работах Ольги Соколовой и Владимира Фещенко.

Актуальными для нас оказались отдельные исследования о роли научно-технического прогресса в советском обществе. К таковым можно отнести сборник «Наука и советский социальный порядок» (“Science and the Soviet Social Order”¹) под редакцией Лорена Р. Грэхэма, исторические работы Наталии Лебиной, книгу филолога Марии Левченко «Индустриальная свирель: поэзия Пролеткульта», статьи сборника «Соцреалистический канон» (под ред. Ханса Гюнтера), освещающие соцреализм с различных сторон, книгу Алексея Голубева «Вещная жизнь» об антропологии повседневных вещей (в т.ч. и техники) в эпоху позднего социализма, исследования Славы Геровича, посвященные различным аспектам бытования технического знания и дискурса в советскую эпоху, а также работы Аниндиты Банерджи (Anindita Banerjee) о русскоязычной фантастике и ее роли в формировании советского нововременного субъекта, субъекта модерности.

Еще одна группа важных для нас работ — это тексты, в которых затрагивается проблема связи технологий и литературы. Мы обратились к ряду исследований, в которых анализируются авторы второй половины XX-го века: это литературоведческие и литературно-социологические статьи Катерины Кларк, обзорный сборник статей под редакцией Роберта Кроуфорда «Современная поэзия и современная наука», литературно-социологические статьи Ильи Кукулина и медиакогнитивные работы Евгении Самостиенко (Сусловой), в которых нам особенно важен термин «технологическое воображаемое», о котором стоит сказать отдельно. Во многом он близок нашему понятию технического воображения, однако если технологическое воображаемое больше концентрируется на когнитивных аспектах связи

¹ Здесь и далее в скобках на языке оригинала даются а) имена авторов, если их работы не переведены официально на русский язык; б) названия книг и статей, если их официального перевода на русский язык также не существует на момент написания диссертации.

техники и языка, прибегая к теории когнитивной метафоры, то техническое воображение, как было отмечено выше, говорит о внешнем измерении — о перцептивном контакте со средой и о культурно-исторических реалиях, с которыми работают рассмотренные нами авторы.

Для контекстуализации затрагиваемой нами темы в кросскультурной перспективе мы обратились к исследованиям зарубежных (прежде всего англоязычных) авторов на другом языковом материале: хотя данные работы не имеют непосредственного отношения к изучаемым нами текстам, они позволяют уточнить различные теоретические аспекты связи литературы (в частности поэзии) и техносферы. Это работы Кэтрин Хейлс (Katherine Hayles) и Марджори Перлофф, современные теоретические статьи о роли перцепции в литературе и об экопоэтике, о формах взаимосвязи окружающей среды — в т.ч. технологической — и текста. Это работы Сары Нолан (Sarah Nolan), Кейси Бойла (Casey Boyle), Шэрон Лэттиг (Sharon Lattig) и ряда других исследователей.

Еще одна значимая для нашей работы группа текстов — это книги и статьи по философии, разрабатывающие различные аспекты понятий техники и технологии, в том числе те работы, которые имеют отношение к современным междисциплинарным гуманитарным наукам, иногда называемым в западной академии «критической постгуманитаристикой». Наше внимание к этой группе текстов связано с необходимостью быть точными и последовательными в своем анализе, поскольку именно в рамках этой группы направлений проблематизируются многие из традиционных дихотомий Нового времени, в том числе дихотомия природы и цивилизации, актуальная для ряда изучаемых нами поэтов. Соответственно, благодаря этим исследованиям проблема прогресса, крайне важная для рассмотренной нами литературы, может быть изучена более детально и контекстуализированно, в тесной связи с современными тенденциями в гуманитарных науках. К данной группе относятся работы Донны Харауэй, Карен Барад и Розы Брайдотти, а

также близкие к этому направлению антропологические и STS²-исследования Брюно Латура, Люси Сачмен, Харис Томпсон. Кроме того, наша диссертация не была бы полной без опоры на теорию медиа — как на классиков этой дисциплины (Фридрих Киттлер, Маршалл Маклюэн), так и на новейшие концепции, представленные, например, в работах Александра Гэллоуэя.

Несмотря на разнообразие методов и подходов, с помощью которых различные авторы писали о поэзии, литературе XX-го века и технике (вместе или по отдельности), проблема технического воображения, предполагающая расширенное рассмотрение репрезентации техники в русскоязычной неофициальной поэзии в ее диалоге с литературной традицией и культурными процессами XX-го века, изучена недостаточно — исследовательских работ, которые бы затрагивали именно этот аспект на материале неподцензурной поэзии, на данный момент нет. Обычно эта проблематика в исследованиях появляется только в совокупности с другими и никогда не выступает на первый план, ее проходят по касательной. Пристальное внимание техническому воображению в неподцензурной поэзии не уделяется, несмотря на очевидную значимость концепта техники как для всего XX-го века в целом, так и для русскоязычной литературы этого периода. По этой причине можно говорить о научной **новизне** предлагаемого ракурса.

Учитывая все вышесказанное, **объектом** этого исследования являются поэтические тексты неподцензурных поэтов второй половины XX-го века (объединений и групп, известных как «Лианозовская школа», «филологическая школа», метареализм), а именно Евгения Кропивницкого, Генриха Сапгира, Игоря Холина, Михаила Еремина, Александра Кондратова, Алексея Парщикова. **Предметом** исследования является проявление технического воображения в поэтических текстах этих авторов, связь стратегий его работы с информационной ситуацией указанного периода и местом каждой группы в истории литературы второй половины XX-го века. Мы осознанно не обращались к авторам, более плотно сотрудничавшим

² Science and technology studies — исследования науки и технологий.

с советской печатью (например, к Виктору Сосноре) и к авторам, в творчестве которых работа с техническими мотивами не выступала на первый план (например, к представителям московского концептуализма), поскольку это расширение бы существенно размыло объект нашего изучения. Кроме того, для разговора о техническом воображении в творчестве того или иного поэта не достаточно наличия простых упоминаний технических объектов: должна выстраиваться авторская философия и поэтология техники, т.е. поэт должен так или иначе осмыслять технический прогресс в своем творчестве.

Таким образом, **цель** нашего исследования заключается в том, чтобы выявить и интерпретировать особенности проявления технического воображения в произведениях неподцензурной русскоязычной поэзии второй половины XX-го века. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Изучить опыт осмысления техники в гуманитарных науках XX-го века, для того чтобы контекстуализировать репрезентацию техники в поэзии.

2. Описать специфику отношения к технике в советской культуре второй половины XX-го века.

3. Исследовать проблему взаимоотношения техники и литературы как теоретическую, рассмотрев различные подходы к проблеме в критических, метапоэтических и теоретических текстах XX-го века.

4. Определить понятие технического воображения и его возможные импликации.

5. Системно представить различные стратегии проявления технического воображения в поэтических текстах неподцензурной русскоязычной поэзии XX-го века — прежде всего, в текстах представителей «Лианозовской школы», «филологической школы» и метареализма, где такие проявления заметны наиболее отчетливо и у авторов которых было сформировано свое специфическое отношение к технической образности и прогрессивистской эстетике.

6. Выявить специфику такой реализации технического воображения в контексте наследия исторического авангарда и идеологии научно-технического прогресса.

В качестве основных **материалов** для исследования были взяты поэтические тексты 1950-х — 1980-х годов вышеуказанных авторов (Кропивницкого, Сапгира, Холина, Еремина, Кондратова, Парщикова). Кроме того, для формирования контекста работы были изучены тексты по теории литературы этих периодов (работы представителей ОПОЯЗа, московско-тартуской семиотической школы), ряд манифестов, деклараций, эссе, писем, интервью и других метапоэтических высказываний, принадлежащих поэтам и теоретикам, имеющих отношение к вышеуказанным объединениям.

Методология нашего исследования соединяет разные подходы. Для интерпретации поэтических текстов использованы филологические методы. Мы опирались на работы представителей московско-тартуской семиотической школы. В рамках мотивного анализа ориентировались на соединение элементов интертекстуального подхода [Гаспаров 1993] и нарратологически-семиотического [Силантьев 2004]. Понятие воображения в нашем исследовании совмещает в себе как литературоведческую трактовку [Старобинский 2002], так и социологическую [Миллс 2001], [Дубин 2017]: воображение как категория, связанная с текстопорождением, здесь совмещается с понятием воображения, направленного на аналитику различных структур (социальных, эпистемологических, эстетических), которая может выражаться в поэтике текста. Наконец, для анализа форм культурного бытования концептов техники и прогресса мы обращались к методам интеллектуальной истории/истории идей [Уотмор 2015], в отдельных случаях прибегая еще и к фукианской оптике, особенно в аспектах, связанных с анализом дискурсов [Фуко 1969]. Кроме того, для прояснения разных сторон технического воображения были использованы междисциплинарные работы современных теоретиков, пишущих о литературе и тексте в свете современной критической постгуманитаристики, т.е. анализирующих различные

материальные аспекты бытования текста и дискурсивных практик [Барад 2018], [Hayles 2012, 2017], [Boyle 2016], [Nolan 2017], [Lattig 2020].

Из определенной нами цели и задач исследования вытекают следующие **положения, выносимые на защиту:**

1. Техника на протяжении всего XX-го века вдохновляла людей на эстетические поиски. Исследователи и теоретики обращались к ней, чтобы более релевантно описывать искусство и литературу, а литераторы искали в принципах работы техники основы своих методов. Высказывания поэтов, критиков и литературоведов разных периодов прошлого века о том, как они видят особенности поэзии и ее связь с технологиями, показывают, что частная читательская перцепция в поэтическом тексте настраивается и управляется в чем-то так же, как социальная перцепция управляется технологиями. В новейший период истории русскоязычной поэзии технологические мотивы и другие метапоэтические указания на техномедиареальность становятся способом отрефлексировать собственно поэтические процессы. Обращение к технологиям в теоретических высказываниях и в отдельных программных стихотворениях показывает, что эти образы и мотивы зачастую выступают как маркеры осознания поэтических возможностей работы с перцепцией.

2. Чтобы показать эту специфическую взаимозависимость между поэзией, контекстом ее бытования и техносферой, стоит говорить о техническом воображении как о форме подключения текста к связи культурного и перцептивного опытов.

3. В неофициальной культуре работа технического воображения подсвечивает взаимопроникновение официальной культуры как неизбежного фона и более разнообразных проблем, характерных для XX-го века в целом (например, проблему связи прогресса и власти, техники и перцепции, экзистенциальные и средовые аспекты технического развития и т.д.).

4. Кроме того, техническое воображение позволяет контекстуализировать отдельные неподцензурные поэтические практики в свете литературных и культурных процессов первых двух десятилетий XX-

го века. Можно говорить, что во второй половине века идея прогресса значительно видоизменяется относительно таковой в историческом авангарде. В то же время некоторые неподцензурные поэты продолжают отдельные его тенденции. В этом случае можно говорить о субверсии их социально-утопического аспекта, выраженной в техническом воображении.

5. Техническое воображение в рассмотренных нами текстах неподцензурной поэзии проявляется по-разному. Так, в поэзии Генриха Сапгира и Игоря Холина, авторов «Лианозовской школы», а также отчасти их поэтического учителя — Евгения Кропивницкого, соединение тела и дискурса в качестве опосредующих инстанций технического воображения стало результатом попыток выявить возможности поэтической речи в условиях разочарования как в лирическом пафосе, оккупированном советской риторикой и «громкой лирикой», так и в прогрессе, который во второй половине XX-го века вновь стал одним из важнейших элементов официального властного дискурса. Работа Кропивницкого, Сапгира и Холина с техническим воображением проявилась через настройку отношений между языковой абстракцией и конкретикой (как языка, так и эмпирической реальности). Их стихотворения снимают пафос мифа об индустриальном подвиге через бытовые детали и критику дискурса.

6. Для Михаила Еремина и Александра Кондратова, авторов «филологической школы», характерно проектное отношение к творчеству, в рамках которого могут сосуществовать достаточно противоречивые тенденции. У Еремина происходит переосмысление роли авангардистского языкового эксперимента, что указывает на трансформацию нововременной модели рациональности. Специальная терминология в его случае показывает смещенные референциальные отношения, термин становится «самовитым», как слово у футуристов, но уже не в чисто модернистском смысле. У Кондратова же генеративный потенциал (как поэтического мышления самого автора, так и работы электронно-вычислительной машины) использован для

попытки закрыть проект исторического авангарда, исчерпав его формальные возможности.

7. У авторов-метареалистов (и особенно у Алексея Парщикова) техническое является средством опосредования восприятия; его элементы, проникающие в большинство образов, указывают на новое значение технических мотивов в литературе конца советской эпохи. Они, будучи маркерами научно-технического прогресса, дискредитировавшего себя в области официальной поэтики и идеологии, становятся источниками новой индивидуальной оптики. В поэтике текста эта особенность решается через усложненную метафору, смену точек зрения («инсайд-аут» по Константину Кедрову), паратаксичность синтаксиса. Метареалистическая трактовка техники совпадает с усложнением представления о машине в культуре последней трети XX века: она мыслится не в конфликте с окружающей средой, а скорее как ее часть и оказывается связана не столько с производством, сколько с перекодировкой восприятия.

8. Водораздел между неподцензурной и официальной поэзией не может быть проведен только по их отношению к техническому прогрессу, поскольку как среди авторов из первого субполя, так и среди подцензурных авторов можно найти и технопессимизм, и технооптимизм. Однако сохранение дихотомии природы и цивилизации скорее характерно для официальных авторов. Неподцензурные авторы с большей свободой могли говорить о проблемных аспектах технического развития, но они могли с такой же свободой отказаться от этической оценки технического прогресса, в то время как среди магистральных советских авторов, рассмотренных нами, критика прогресса требовала смены полюсов оценки, инверсии. При этом дихотомичность взгляда на технику и природу сохранялась: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек» [Вознесенский 2012: 166]. Вследствие этого в практике неофициальных авторов граница между человеком и средой (содержащей как геологическую среду вообще, так и техносферу как ее часть) чуть чаще оказывается размыта, что может быть актуально и для новейшей

литературы на русском языке, в которой техноэкологический подход к поэзии довольно влиятелен.

Структура работы. Работа состоит из **введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.** Каждая глава содержит от двух до трех параграфов. Первая глава, **«Техника в XX-м веке»**, носит теоретический характер, методологически приближаясь к истории идей. Глава содержит обзор различных подходов к пониманию техники, которые возникали в течение XX-го века. Первый параграф главы, **«Техника в культуре XX-го века: три подхода»**, содержит обзор особенностей осмысления и репрезентации техники в указанный период. Глубокое погружение во все разнообразие трактовок техники и прогресса, возникавших в XX-м веке, потребовало бы от нас детализации, превышающей объем самой этой работы в несколько раз, поэтому в наши задачи не входило создание исчерпывающей универсальной классификации, однако мы хотели отметить основные релевантные для дальнейшего анализа тенденции. В этом параграфе мы выделяем три ракурса на технику в культуре: первый ракурс связан с мышлением о технике как об инструменте индустриального труда и идеологического производства; второй ракурс показывает технику в ассоциации с коммуникацией и передачей информацией; третий ракурс представляет технику в средовом аспекте — как место протекания множества культурно-значимых процессов и в то же время — как естественную и пластичную часть окружающего пространства, растворенную в нем. Там же мы делаем вывод о тенденции к расширению и абстрагированию культурных репрезентаций техники.

Второй параграф этой главы, **«Техника в советской культуре второй половины XX-го века»**, сужает рассмотрение роли техники в XX-м веке до ее специфических особенностей в советском обществе второй половины XX-го века. Этот хронологический промежуток выбран не только потому, что именно на это время приходится творчество изучаемых нами авторов, но

и потому что в ту эпоху с концептами техники и прогресса происходили значимые изменения. Трансформации, с одной стороны, были обусловлены фактически (новая волна индустриализации, космическая и ядерная гонка, распространение кибернетики), с другой стороны — идеологически (и риторика «оттепели», и риторика «застоя», и переходная ситуация 1980-х предлагали свои ракурсы на основные постулаты советской системы, а значит и на проблему прогресса), и с третьей стороны — эстетически (ярким примером здесь может служить дискуссия «о физиках и лириках», в которой вопрос о роли техники стал важным поводом к переосмыслению значения литературы и искусства в оттепельном обществе).

В третьем параграфе главы, **«Понятие технического воображения»**, опираясь на закономерности, выявленные на предыдущих страницах диссертации, мы обращаемся к теоретической связи техники и литературного текста. Техническое воображение в этом параграфе определяется как исторический и культурно-конкретный способ формулировать мысли о технике в литературе, при этом позволяющий проявить в тексте конкретные отношения со средой (как перцептивной, так и культурно-исторической).

Вторая глава нашей диссертации называется **«Литературное мышление о научно-техническом прогрессе: проверяя технэ поэзисом»**. В этой главе мы обращаемся к связи поэзии и техники как в теоретическом, так и в практическом плане. Во первом параграфе главы, **«Дискурс технического прогресса в метапоэтических и литературоведческих текстах XX-го века»**, обзревается и анализируются концептуализации связи поэзии и технологии в русскоязычной поэзии. Мы опираемся на отдельные метапоэтические явления (манифесты, автокомментарии и др.) в диапазоне от символизма до метареализма. Теоретизация контакта поэзии и технологии рассматривается в контексте истории идей и трансформации перцепции, на которую так или иначе указывают многие изученные документы. Кроме того, упоминается проблематичность этой связи, обусловленная, в частности, социальным порядком того или иного исторического периода и ролью

прогрессивистских идеологий в его установке (например, идеология научно-технического прогресса в СССР).

Во втором параграфе этой главы, **«Техника в официальной советской литературе второй половины XX-го века»**, речь идет об отдельных тенденциях в литературе, которая проходила через официальную советскую печать. Рассмотрены как общие эстетические принципы, влиявшие на официальный пласт советских художественных текстов, так и отдельные (суб)течения и (суб)жанры — советская научная фантастика, деревенская проза, «тихая лирика», «эстрадная поэзия» и т.д. Отмечается невозможность закрепления за советским официальным литературным дискурсом признака тяготения к прогрессивизму, поскольку для него была характерна и критика прогресса. Однако как технопозитивизм, так и техноскептицизм в советском изводе объединяет сохранение основных дихотомий Нового времени, из-за которых техника и цивилизация независимо от мировоззрения автора остаются хотя бы отчасти противопоставлены природе и «естественности».

Третья глава нашей диссертации, **«Критика или снятие противоречий? Техника и неподцензурная поэзия»**, посвящена анализу поэтических текстов представителей трех различных групп/объединений, связанных с неподцензурной поэзией и известных как «Лианозовская школа», «филологическая школа», метареализм), а именно Евгения Кропивницкого, Генриха Сапгира, Игоря Холина, Михаила Еремина, Александра Кондратова, Алексея Парщикова. Выбраны тексты именно этих авторов, так как каждый из них последовательно и осознанно прибегал к техническим мотивам в своем творчестве и по-своему осмыслял культурную роль техники/технологий, трансформируя поэтический язык в соответствии со своими представлениями о роли поэзии в современной им информационной ситуации.

В первом параграфе этой главы, **«Лианозовская школа: критика индустриального оптимизма и техническое воображение в бараче»**, рассматриваются поэтические тексты авторов «Лианозовской школы» (Евгения Кропивницкого, Игоря Холина и Генриха Сапгира), написанные

в основном в 1950-х — 1960-х годах (за исключением Кропивницкого: мы рассматривали его тексты и 1930-х — 1940-х годов, т.к. в них заложена основа более поздней «лианозовской» поэтики). Мы анализировали их связь с идеологией научно-технического прогресса и ее влиянием на эстетическую систему русской литературы XX-го века. В параграфе рассматривается, как именно в стихотворениях Кропивницкого, Сапгира и Холина особенности литературы первых десятилетий XX-го века, повлиявшие затем на формирование советской официальной эстетики, оказываются пересобраны наряду с типичными для второй половины XX-го века советскими клише. Рассматривая, как именно социальный и культурный контекст отражался в текстах поэтов, мы стремились выявить особенности работы этих представителей неподцензурной литературы с модернистским литературным следом, языковой абстракцией, конкретикой бытовой среды и опосредующей ролью технического воображения.

Во втором параграфе главы, **«“Филологическая школа” и НТП: кибернетический диалог с историческим авангардом»**, мы рассматриваем поэзию двух авторов вышеуказанного поэтического объединения: Михаила Еремина и Александра Кондратова. Обращаясь к их текстам, мы анализируем, как в практиках этих крайне разных поэтов переосмысляются тенденции исторического авангарда, связанные с идеей прогресса, которые субверсируются каждым из них по-своему и лишаются социально-утопического технократического аспекта.

Наконец, заключительный параграф третьей главы, **«Метареализм. Переозначивание технических образов»**, посвящен метареализму и особенно — поэзии Алексея Парщикова, в практике которого смешиваются воедино наследие исторического авангарда, подцензурная и неподцензурные традиции, а технические мотивы становятся средством трансформации индивидуальной оптики.

В **заключении** мы подводим итоги нашего исследования, комментируя особенности реализации технического воображения у всех рассмотренных

авторов. Там же мы отмечаем разнообразие бытования технических мотивов у поэтов второй половины XX-го века и делаем предположение, что в неподцензурной поэзии трактовка научно-технического прогресса реже была связана с дихотомиями, характерными для нововременной культуры и зачастую воспроизводившимися в поэзии официальных авторов (независимо от того, были ли их взгляды технопессимистскими или технооптимистскими). **Список использованной литературы** насчитывает 44 художественных источника, 206 научных и критических работ.

Результаты нашего исследования были **апробированы** на шести **конференциях** (как филологических, так и междисциплинарных):

1) Всероссийская научная конференция с международным участием «XVII Сапгировские чтения» — «Восемь великих» (2020, РГГУ).

2) Международная научная конференция «Вакансия поэта-2: проблематизация «поэтического» на рубеже XX-XXI веков» (2020, ВГУ).

3) Всероссийская научная конференция с международным участием «XVIII Сапгировские чтения» — «Сапгир и его круг: еще десять поэтов». (2021, РГГУ).

4) Всероссийская научная конференция «Опыты чтения: поэзия и стих» (2022, Высшая школа экономики).

5) Всероссийская научная конференция с международным участием «XIX Сапгировские чтения» — «Живые! Русские поэты — младшие современники Сапгира» (2022, РГГУ).

6) XVII Конференция студентов, аспирантов и молодых исследователей «Конструируя “советское”? Региональное разнообразие и поиски идентичности» (2023, Европейский университет).

В процессе нашего исследования были подготовлены и опубликованы следующие **статьи**:

1) Родионова А.А. Ассамбляжи Алексея Парщикова между неподцензурной и новейшей поэзией // В кн.: Фигуры интуиции: поэтика Алексея Парщикова. М.: Эдитус, 2022. С. 90-101.

2) Родионова А.А. «У нас не автоматическая станция»: фильтры технического воображения в поэзии Генриха Сапгира и Игоря Холина // Новое литературное обозрение. 2022. № 176. С. 254-269. (Scopus).

3) Родионова А.А. Соединение установлено. Хитросплетения поэзии, власти, перцепции и технологии // Новое литературное обозрение. 2023. № 182. С. 216-229. (Scopus).

4) Родионова А.А. «Фотолуг, фотолес, фотолето». Техно-экологические миниатюры Михаила Еремина // Сборник Матице српске за славистику, II, 2023. С. 339-351. (Scopus).

Контекстуализировали наше исследование следующие статьи, не вполне совпадающие с темой исследования, но позволившие подготовить для него фундамент: 1) Родионова А. А. Современная поэзия как информационная практика: к текстам Ники Скандиаки // Новое литературное обозрение. 2021. № 167. С. 223-234. (Scopus). 2) Родионова А. А. Место современной поэзии в техно-информационном окружении как теоретическая проблема (на примере статей А. Скидана и С. Огурцова): от мультимедиа к постмедиальности и дискурсивным практикам // В кн.: «Вакансия поэта»-2: материалы двух конференций / Под общ. ред.: М. Г. Павловец, А. А. Житенев. Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2020. С. 269-288.

Результаты исследования имеют **теоретическую значимость**: оно расширяет представление о взаимодействии неподцензурной и подцензурной литературы, вписывает русскоязычную поэзию XX-го века в широкий литературный и культурный контекст, о чем мы уже упоминали выше. Кроме того, у нашей работы есть и **практическая значимость**. Результаты исследования могут быть использованы при разработке курсов по литературоведению, истории русской литературы XX-го века, неофициальной

русской литературы, современной поэзии, положены в основу учебных пособий по русской литературе и культуре XX-го века, полезны при работе с библиотечными фондами и архивами.

Перспективы исследования. Подводя итог нашему исследованию, стоит отметить перспективы этой работы. Исследованное нами поле не является замкнутым. Оно размыкается, во-первых, в сторону изучения современной русскоязычной поэзии, во многом наследующей отдельным практикам и поэтикам, сформированным в неподцензурной среде. Особенно интересные перспективы открываются в связи с новым этапом развития современной поэзии, для которой технологии являются значимой областью. Поэты обращаются к техническим возможностям цифровой среды для создания форм дигитальной, визуальной поэзии или для осмысления иных экспериментальных поэтических практик. Теоретики и критики тоже используют инструментарий современной медиатеории и философии техники для описания процессов в современной поэзии. В новейший период истории русскоязычной поэзии технологические мотивы и другие метапоэтические указания на техномедиареальность становятся способом отрефлексировать собственно поэтические процессы, поэтому ракурс нашего исследования можно считать актуальным и перспективным для дальнейших исследований в этой области.

Во-вторых, наше исследование может быть продолжено компаративным рассмотрением сходных процессов в зарубежной поэзии XX—XXI века, которые безусловно имели место, об этом свидетельствует хотя бы то, что сами неподцензурные авторы зачастую находились в более или менее регулярном диалоге с представителями иноязычных литератур (например, «лианозовцы» и немецкоязычные конкретисты, авторы метареалистского круга и американские поэты Школы языка и т.д.).

Список использованной литературы

1. *Барад, Карен.* Агентный реализм. Как материально-дискурсивные практики обретают значимость // *Опыты нечеловеческого гостеприимства: Антология / Ред. М. Крамар, К. Саркисов.* М.: V—A—C press, 2018. С. 42—121.
2. *Брайдотти, Роза.* Критическая постгуманитаристика, или Относятся ли медиа-природы к природо-культурам так же, как zoe — к bios? // *Опыты нечеловеческого гостеприимства.* М.: V-A-C press, 2018. С. 24-41.
3. *Вознесенский, Андрей.* Полное собрание стихотворений и поэм в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.
4. *Гаспаров, Борис.* Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993.
5. *Дубин, Борис.* Воображение — коммуникация — современность. Очерки по социологии культуры: Избранное / Предисл., составление, подгот. текста А.И. Рейблата. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
6. *Каломиров, Александр [Виктор Кривулин].* Двадцать лет новейшей русской поэзии (Предварительные заметки) // *Русская виртуальная библиотека.* [Электронный ресурс.] URL: <https://rvb.ru/np/publication/03misc/kalomirov.htm> [Дата обращения: 24.07.21].
7. *Киттлер, Фридрих.* Оптические медиа. Берлинские лекции 1999 года. М.: Логос, 2009.
8. *Кукулин, Илья.* Два рождения неподцензурной поэзии в СССР // *Кукулин, Илья.* Прорыв к невозможной связи: статьи о русской поэзии. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2019. С. 41-58.
9. *Лотман, Юрий.* Семиосфера. СПб: Искусство-СПб, 2001.

10. *Лотман, Юрий.* Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018.
11. *Маклюэн, Маршалл.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003.
12. *Савицкий, Станислав.* Андеграунд. История и мифы ленинградской неофициальной литературы. М.: НЛО, 2002.
13. *Силантьев, Игорь.* Поэтика мотива. М.: Языки Славянской Культуры (ЯСК), 2004.
14. *Старобинский, Жан.* Поэзия и знание. История литературы и культуры. Т. 1 / Пер. с фр. Е. П. Васильевой, Б. В. Дубина, С. Н. Зенкина, В. А. Мильчиной, М. С. Неклюдовой, Т. И. Смоляровой, П. П. Шкаренкова; Сост., отв. ред. и авт. предисл. С. Н. Зенкин. М.: Языки славянской культуры (ЯСК), 2002.
15. *Уотмор, Ричард.* Что такое интеллектуальная история? (2015) / Переводчик: Эдельман Н. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
16. *Фуко, Мишель.* Археология знания (1969) / Пер. Раковой М. Б., Серебрянниковой А. Ю. М.: Гуманитарная академия, 2020.
17. *Boyle, Casey.* Rhetoric As A Posthuman Practice. Ohio State University Press, 2018.
18. *Hayles, Katherine.* How We Think: Digital Media and Contemporary Technogenesis. Chicago: The University of Chicago Press, 2012.
19. *Hayles, Katherine.* Unthought: The Power of the Cognitive Nonconscious. The University of Chicago Press, 2017.
20. *Lattig, Sharon.* Cognitive Ecopoetics: A New Theory of Lyric. L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2020.
21. *Nolan, Sarah.* Unnatural Ecopoetics: Unlikely Spaces in Contemporary Poetry. University of Nevada Press, 2017.